

ЖИЗНЬ между сеансами

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рыжая Ведьма

Жизнь между сеансами

«Автор»

2026

Ведьма Р.

Жизнь между сеансами / Р. Ведьма — «Автор», 2026

Амалия - официантка и курьер. Два года она живёт с мужчиной, который превратил её существование в молчаливый ад. Родных нет, только подруга.

Однажды на краю платформы Амалия понимает: дальше нельзя. Лера даёт номер психолога - этот звонок становится первым шагом назад, к себе. Артур - психолог, специалист по травме. Разведён, растит пятилетнего сына, строго держит дистанцию с клиентами и никогда не нарушает правил. Его кабинет - старая квартира в доходном доме у Чистых прудов. Туда однажды субботним утром приходит Амалия - не от веры в помощь, а от безвыходности. На первой встрече она почти молчит. Отменяет сеансы, приходит с синяками. Он не давит, не обещает чуда, - просто остаётся рядом. Это история о женщине, которая разучилась говорить «нет», и о мужчине, который слишком хорошо знает цену профессиональным границам. О невидимом насилии, которое не замечают окружающие. И об одном метре между креслами клиента и психолога, который однажды перестаёт быть преградой.

Рыжая Ведьма

Жизнь между сеансами

Глава 1. Платформа

Москва, середина июля. Пятница. Час пик.

Платформа станции «Курская»-кольцевая раскалена до предела. Воздух плотный, как вата, пахнет нагретым металлом и пылью. Солнце бьёт сквозь стеклянный купол вестибюля, дробится на мраморном полу, режет глаза. Амалия стоит у самого края. Носки кед – над жёлтой тактильной полосой. Ещё полшага – и пустота.

В правой руке, в побелевших пальцах, – телефон. Экран треснут в левом верхнем углу. Трещина старая, от прошлого месяца, когда он швырнул телефон в стену, потому что она не ответила на звонок – была в душе, не слышала. Она потом собирала осколки защитного стекла с пола, а он стоял над душой и говорил, что она специально не берёт трубку, чтобы его злить. Она не специально. Она просто устала за день – две смены в кофейне, потом три заказа на доставке, – и на десять минут включила горячую воду, чтобы хоть немного расслабиться. Этого хватило, чтобы он разнёс прихожую.

На экране – сообщение. Пришло четыре минуты назад. «Ты где? Придёшь – пожалеешь.» Без запятой. Всегда без запятых. Она помнила каждое его сообщение за последний год – короткие, как удары, без знаков препинания, словно он экономил время даже на угрозах. Были и другие. «Ответь быстро.» «Я знаю что ты делаешь.» «Дома поговорим.» Она когда-то пыталась представить, как он набирает эти слова – сидит на диване, хмурится, тычет большим пальцем в экран, – и от этой картинки становилось ещё страшнее. Потому что в ней не было безумия. Был холодный, методичный контроль.

Она не ответила. Не смогла. Пальцы не слушались.

Внизу, в тоннеле, загудело. Горячий ветер ударил в лицо, поднял волосы, выбившиеся из пучка. Рыжие пряди прилипли к влажным вискам. Поезд приближался. Гул нарастал, превращался в знакомый железный скрежет. Амалия смотрела на рельсы. Где-то там, в маслянистой темноте между шпал, блестела лужа. Или это просто отражение.

Сердце колотилось где-то в горле.

«Придёшь – пожалеешь.»

Она знала, что это значит. Знала каждую интонацию, с которой он это произнесёт. Сначала – тихо, почти спокойно. Потом – громче, когда она промолчит. Потом – удар. Иногда – ладонью по лицу, иногда – кулаком в плечо, иногда – он хватал её за волосы и тащил в комнату, чтобы «объяснить, как надо отвечать, когда тебя спрашивают». Она знала все варианты. Выучила за два года. Два года, три месяца и одиннадцать дней – если считать с того вечера, когда он впервые на неё замахнулся. Она считала. Не специально – просто помнила. Как помнят дату аварии или день, когда умер близкий.

Вдох.

Воздух застрял в лёгких. Она попыталась выдохнуть – не получилось. Грудную клетку сдавило, будто на неё положили бетонную плиту. Сердце теперь билось не в горле – оно билось везде: в висках, в кончиках пальцев, под коленями, которые вдруг стали мягкими, студенистыми.

Паническая атака.

Она знала это слово. Знала, что это проходит. Ей Лера объяснила – ещё год назад, когда Амалия впервые описала ей это состояние. «Это адреналин, – сказала Лера. – Твой организм думает, что на тебя напал тигр, и готовится бежать. Только тигра нет. А организм всё равно бежит.» Тогда Амалия попыталась посмеяться над этим – тигр, надо же, – но смех вышел нервным и быстро перешёл в слёзы. Сейчас ей было не до смеха. Тигр был. Он ждал её дома.

Каждый раз, когда это случалось, ей казалось, что она умирает. Не в переносном смысле – не «мне так плохо, что хочется умереть». А буквально: сердце останавливается, лёгкие схлопываются, мир сужается до чёрной точки, и всё, что остаётся, – это темнота и шум в ушах. Она читала где-то, что паническая атака не убивает. Что от неё нельзя умереть. Но каждый раз, стоя на пороге этого ощущения, она не верила. Слишком уж оно было сильным.

Амалия опустила на корточки. Прямо на горячий гранит платформы, у самой кромки. Зажмурилась. Обхватила голову руками, вжала телефон в висок – экран обжёг кожу. Мир сузился до темноты под веками и шума в ушах.

Поезд ворвался на станцию. Визг тормозов, шипение дверей, гул голосов. Кто-то перешагнул через неё. Кто-то пробормотал: «Напилась, что ли...» Она не слышала.

В руке завибрировал телефон. Входящий. Не он – другая мелодия, стандартная. Она не глядя смахнула по экрану, поднесла к уху. Просто чтобы вибрация прекратилась. Просто чтобы на секунду стало тихо.

– Амалия? Ами, ты слышишь меня?

Лера. Подруга. Единственный человек, который звонил по имени, а не с местоимениями. Единственный, кто знал про синяки и про то, что она врёт коллегам про «упала с лестницы». Единственный, кто не осуждал. Амалия открыла рот. Из горла вырвался только сиплый, сдавленный звук – не то вздох, не то всхлип. Она хотела сказать «я в порядке», но губы не слушались.

Они дружили с детдома. Лера была на два года старше, и когда десятилетнюю Амалию только привезли – худую, рыжую, с вечным испугом в глазах, – именно Лера взяла над ней шефство. Показала, где столовая, где библиотека, к кому из воспитателей лучше не подходить, а к кому можно попроситься на ночной чай. Она же потом, спустя годы, когда они уже выпустились и разъехались по общежитиям, приехала к Амалии в три часа ночи, потому что услышала по телефону что-то не то в её голосе. Приехала, увидела синяк на скуле и сказала: «Я его убью». Не убила, конечно. Но с того дня звонила каждый вечер, проверяла, жива ли.

– Лер, я больше так не могу, – голос сорвался на полуслове. Свободной рукой она вцепилась в край платформы, чувствуя, как нагретый гранит обжигает подушечки пальцев.

В трубке, после короткой паузы, раздался голос Леры – резкий, собранный, без обычных шутивых ноток. Так она разговаривала только в двух случаях: когда вытаскивала Амалию из очередного кризиса и когда отчитывала стажёров на работе.

– Где ты? Адрес. Быстро.

Амалия всхлипнула. По щекам текло горячее, но она даже не заметила, когда начала плакать. Люди обходили её, как лужу на асфальте, – брезгливо и не задерживаясь. Где-то за спиной прошумел поезд, унося с собой гул и сквозняк. Стало чуть тише.

– Курская, – выдохнула она. – Я на платформе. Я... я не могу встать, Лер. Меня ноги не держат.

Лера вырубил телевизор на фоне – стало слышно только её дыхание и быстрые шаги по комнате. Потом пауза. И уже мягче, но всё так же жёстко:

– Слушай меня внимательно. Ты сейчас встаёшь и едешь ко мне. Не к нему. Не домой. Ко мне. Повторяешь адрес.

Амалия зажалась. Перед глазами всё ещё плыли рельсы – маслянистые, блестящие в полумраке тоннеля. Она мотнула головой, отгоняя картинку, и почувствовала, как где-то глубоко внутри, под слоем паники и усталости, зашевелилось что-то похожее на злость. На саму себя. На него. На эту платформу. На то, что она, взрослая женщина двадцати семи лет, сидит на корточках у края рельсов и не может сделать вдох. На то, что она забыла, когда в последний раз ела не потому, что «надо», а потому что хочется. На то, что она разучилась носить короткие рукава – слишком заметны синяки. Злость была слабой, едва тлеющей, но она была. И это было лучше, чем пустота.

Она разлепила пересохшие губы и назвала адрес Леры по памяти. Та выдохнула с облегчением.

– Умница. У меня в аптечке есть корвалол, чай и диван. Давай, поднимайся. И телефон не выключай – я буду на связи, пока ты не сядешь в вагон. Поняла?

– Хорошо, – сказала Амалия.

Слово вышло тихим, почти невесомым – но Лера услышала.

Она разжала пальцы, вцепившиеся в край платформы. На граните остались влажные следы от вспотевших ладоней. Телефон она прижала плечом к уху – Лера что-то говорила, размеренно, спокойно, кажется, перечисляла продукты, которые нужно купить к ужину, просто чтобы заполнить тишину своим голосом. Это был старый Лерин приём – она использовала его, когда Амалия проваливалась в панику: начинала говорить о чём-то обыденном, бытовом, и ритм её голоса становился якорем, за который можно зацепиться.

Амалия поднялась. Медленно, держась за бетонный столб. Ноги дрожали, но держали. Она отряхнула джинсы – на коленях остались серые разводы от пыли. Пучок на затылке окончательно развалился, рыжие пряди прилипли к мокрым вискам и шее. Толстовка промокла насквозь – от пота, от духоты, от чужого равнодушия, которое текло мимо вместе с толпой.

Поезд в тоннеле затих. Следующий объявили через три минуты. Амалия повернулась спиной к краю платформы и пошла к эскалатору – туда, где светило вечернее солнце и воздух обещал быть чуть менее душливым.

Лера в трубке всё говорила. Про гречку. Про то, что молоко прокисло, надо купить. Про дурацкий сериал, который она включит фоном, чтобы Амалия могла просто лежать и смотреть в потолок. Про кота Батона, который опять стащил со стола бутерброд и теперь сидит с видом победителя. Амалия слушала этот поток слов, и постепенно, шаг за шагом, её дыхание выравнивалось. Она шла, не оглядываясь. Телефон прижимала к уху обеими руками. И впервые за этот день что-то внутри неё – крошечное, едва живое – перестало кричать.

До эскалатора она дошла на автомате. Встала на ступеньку, ухватила за резиновый поручень – липкий, горячий. Лента уносила её наверх, к свету, к выходу в город.

Лера на том конце замолчала. Не бросила трубку – просто перестала говорить, давая Амалии возможность дышать в своём темпе. В наушнике слышалось только её ровное дыхание и далёкий шум машин за окном.

Наверху, у стеклянных дверей, Амалия остановилась. Достала из кармана джинсов смятую салфетку, вытерла лицо – щёки горели, глаза опухли. Посмотрела на своё отражение в тёмном стекле турникета: бледная, с красными пятнами на шее, взгляд затравленный. Она не узнавала себя уже год. Может, дольше. Когда-то она была другой – смешливой, лёгкой на подъём, с вечным желанием куда-то бежать, что-то попробовать. В детдоме она мечтала, что, когда вырастет, у неё будет большая светлая квартира, много книг и собака. Ничего этого не случилось. Вместо квартиры – съёмная однушка, где она боялась ходить по половицам, чтобы не разбудить его. Вместо книг – потрёпанные учебники, которые она так и не доучила. Вместо собаки – вечный страх.

– Я выхожу, – сказала она в трубку. Голос всё ещё дрожал, но звучал твёрже. – На улицу. Здесь жарко, но хотя бы ветер.

Лера хмыкнула в ответ, и в этом хмыкании Амалия услышала облегчение.

Она толкнула дверь плечом и шагнула в раскалённый июльский вечер. Воздух пах бензином, пылью и тополиным пухом – тот всё ещё летел, цеплялся за волосы, лез в глаза. Солнце висело низко над крышами, оранжевое, размытое смогом. У входа в метро шумел рынок: кричали зазывалы, играла музыка из чьей-то колонки, пахло шаурмой и переспелой клубникой. Жизнь кипела – грязная, шумная, настоящая, – и Амалия вдруг почувствовала себя частью этой жизни. Не лишней. Не чужой. Просто уставшей, заплаканной, но всё ещё живой.

Амалия остановилась у ларька с водой, купила бутылку за пятьдесят рублей – самую дешёвую, без этикетки. Сделала глоток. Вода была тёплой и отдавала пластиком, но горло перестало саднить.

– Я к тебе приеду, – сказала она, перебивая Леру, которая снова начала что-то про ужин.
– Только заеду в одно место. Ненадолго.

В трубке повисла пауза. Лера всё поняла без лишних слов.

– Только не к нему, Ами. Пожалуйста.

– Не к нему, – ответила она и сбросила.

Солнце отразилось в витрине сувенирного ларька – ярко, резануло по глазам. Амалия прищурилась и пошла к парковке, сжимая в руке тёплую бутылку. Где-то через два квартала её ждал старый жёлтый «Форд», а в его бардачке – мятая пачка сигарет, которые она не курила, и закладка, которую она почему-то до сих пор не выбросила. Закладка была простая, чёрная, с отломанным зубчиком – такие продаются в любом супермаркете. Она помнила день, когда купила её: было воскресенье, они со Стасом ещё только начинали встречаться, и он тогда был другим – весёлым, обаятельным, дарил ей полевые цветы и говорил, что рыжие – самые красивые. Закладка сломалась через месяц. Как и всё остальное. Но она почему-то хранила её – может быть, как напоминание о том, что даже самое хрупкое иногда стоит беречь. Или как упрёк самой себе за то, что не ушла сразу, когда ещё можно было уйти без шрамов.

Она села в машину, и жёлтый «Форд» вздрогнул, оживая.

Глава 2. Жёлтый Форд

Машина стояла в переулке за хлебозаводом, там, где парковка была бесплатной, а асфальт – в трещинах и проплешинах. Амалия нашла её не сразу: вечернее солнце слепило, бликовало в стёклах чужих машин, и жёлтый «Форд» терялся среди серых «Солярисов» и чёрных тонированных джипов. Она купила его два года назад – на последние сбережения, которые оставались до того, как отношения со Стасом стали всерьёз её ограничивать. Тогда ей казалось, что машина – это свобода. Возможность в любой момент сесть за руль и уехать куда глаза глядят. Ирония заключалась в том, что глаза её всё это время глядели только в одну сторону – туда, где он.

Она открыла дверцу – та привычно скрипнула. В салоне было душно, как в духовке. Руль обжигал даже сквозь рукав толстовки. Амалия села, захлопнула дверь и на секунду замерла, прижавшись лбом к горячему пластику приборной панели. Пахло старым кофе, пылью из вентиляции и освежителем-ёлочкой, который болтался на зеркале уже полгода и давно ничем не пах. Она сама его вешала – в тот день, когда Стас впервые ударил её в машине. Он тогда разозлился, что она не сразу ответила на его вопрос, и отвесил пощёчину, от которой голова мотнулась в сторону и ударилась о стекло. Стекло выдержало. Она – нет. А ёлочку она купила на следующий день, чтобы перебить запах его сигарет. Глупо, конечно. Запах давно выветрился, а ёлочка осталась.

Она завела мотор с третьей попытки – стартер кашлял, но сдался. Кондиционер по-прежнему не работал, зато заработало радио – из динамиков хлынул чей-то надрывный голос, певший про любовь до гроба. Амалия выключила его резко, почти ударила по кнопке, и в салоне стало тихо. Она ненавидела эту песню. Не из-за слов – слова были глупые, но безобидные. Из-за того, что Стас однажды включил её на полную громкость, когда они ехали на дачу к его матери, и подпевал, фальшивя и смеясь, а она сидела рядом с синяком на рёбрах и улыбалась, потому что он был в хорошем настроении. Хорошее настроение Стаса нужно было поддерживать любой ценой.

В бардачке лежал обещанный беспорядок: старые чеки, руководство по эксплуатации, изолента на случай, если зеркало снова отвалится. И пачка сигарет – дешёвых, ментоловых,

купленных для него месяц назад. Он тогда забыл их у неё в машине, а потом сказал, что она специально их спрятала, чтобы он злился. Она не спрятала. Она просто забыла выбросить. Как забывала выбросить многое другое: его старую футболку, которая лежала на дне ящика; его бритву, которую он оставил в ванной; его слова, которые застревали в голове и прокручивались там снова и снова, как заезженная пластинка. «Ты без меня никто.» «Кому ты нужна, кроме меня?» «Ты должна быть благодарна, что я тебя терплю.» Она не была благодарна. Она была измотана.

Заколка нашлась там же – простая, чёрная, с отломанным зубчиком. Амалия покрутила её в пальцах и сунула в карман джинсов, сама не зная зачем. Может, как талисман. Может, как напоминание о том, что она когда-то покупала вещи просто так – потому что понравились, а не потому что нужно. Заколка сломалась в марте, когда Стас схватил её за волосы и швырнул на пол в коридоре. Она пыталась вырваться, оставляя рыжие пряди в его кулаке. Заколка осталась лежать под вешалкой. Она подобрала её на следующий день, когда он ушёл на работу, и почему-то не выбросила. Наверное, как напоминание. О том, что выбираться можно, даже теряя по кусочку себя.

Потом завела мотор, вырулила из переулка и поехала в сторону Третьего кольца – не к Лере, не к нему, а просто вперёд, в раскалённый город, где пробки стояли даже в пятницу вечером.

Телефон на пассажирском сиденье снова засветился. Она покосилась на экран: Лера скинула адрес и короткое «жду». А ниже – второе сообщение, от него. «Ответь. Я знаю что ты видела.» Амалия перевернула телефон экраном вниз и прибавила скорость.

Она ехала по Третьему кольцу, перестраиваясь из ряда в ряд без особой цели. Движение было плотным, но не мёртвым – пятничный вечер растаскивал город по спальным районам, дачам и пробкам на выезд. За окном мелькали панельные высотки, торговые центры с выцветшими баннерами, реклама новостроек с обещанием счастливой жизни. Счастливая жизнь. Как будто её можно было купить в ипотеку, вместе с квадратными метрами и видом на парковку. Она когда-то тоже верила в это – что счастье можно построить, как дом: кирпичик за кирпичиком, работа, семья, уют. Только её дом оказался картонным. И дышал он перегаром.

Солнце садилось, красило стёкла в медь и золото. В зеркале заднего вида отражалось небо – розовое, в дымке, с тёмной полосой грозовых туч на горизонте. Амалия смотрела на эту полосу и думала о том, что гроза – это, наверное, хорошо. Гроза смывает пыль, прибавляет тополиный пух, очищает воздух. Может, и её когда-нибудь очистит. Может, она тоже сможет стоять под дождём и чувствовать не страх, а облегчение.

Она свернула с шоссе в какой-то двор – старый, зелёный, с покосившимися лавочками и сохнувшим бельём на балконах. Такие дворы были в её детстве – в детдоме, где она выросла. Там тоже сушилось бельё на верёвках, и воспитатели кричали из окон: «Обедать!» – а дети не хотели уходить с качелей. Она была одной из этих детей. Рыжая, конопатая, с вечно сбитыми коленками и слишком громким смехом. Когда она смеялась в последний раз? Она не помнила. Кажется, ещё до Стаса. До того, как смех стал опасным – потому что громкий смех его раздражал, а тихий казался ему подозрительным.

Заглушила мотор под раскидистым тополем. Ветки царапали крышу, пух летел в открытые окна, оседал на приборной панели, как снег. Амалия откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. В голове было пусто и гулко, как в брошенном доме. Она пыталась вспомнить, когда в последний раз просто сидела и ничего не делала – не работала, не убиралась, не прокручивала в голове список его претензий. Не получалось. Даже сейчас, в тишине, она чувствовала фоновую тревогу – будто где-то тикал невидимый секундомер, отсчитывающий время до того момента, когда он снова начнёт звонить.

Достала из бардачка пачку его сигарет. Открыла. Внутри оставалось три штуки. Она не курила уже два года – бросила, когда начались отношения со Стасом, потому что он сказал, что

курящие женщины его раздражают. Он вообще много чего говорил. Что её волосы слишком рыжие. Что она слишком худая. Что она слишком много смеётся. Что она слишком мало зарабатывает. Что она слишком громко дышит по ночам. Список можно было продолжать бесконечно. И сейчас, в этом душном дворе, под тополиным пухом, ей вдруг захотелось сделать хоть что-то, чего она себе обычно не позволяла. Что-то неправильное, но – своё. Закурить. Просто взять и закурить, наплевав на все его «раздражает».

Зажигалки в машине не нашлось. Амалия обыскала бардачок, карманы в дверях, даже заглянула под кресло – ничего. Только старый чек из аптеки, засохшая влажная салфетка и колпачок от ручки. Чек был от обезболивающего – она покупала его в прошлом месяце, когда Стас особенно сильно ударил её по рёбрам и больно было даже дышать. Она тогда сказала ему, что упала с лестницы. Он не поверил, но промолчал – потому что сам был виноват и знал это. Иногда, в редкие моменты затишья, он смотрел на неё почти с раскаянием. Почти. Этого «почти» не хватало, чтобы он изменился.

Она усмехнулась – криво, одними губами. Даже это, даже маленький ритуал «сделать что-то неправильное» давался ей с трудом. Вселенная будто говорила: «Нет, Амалия, ты пока не готова к бунту. Начни с малого. Например, с того, чтобы просто доехать до Леры и не вернуться на полпути».

Она убрала сигарету обратно в пачку, а пачку бросила обратно в бардачок. Захлопнула его с глухим стуком. Посидела ещё минуту, глядя, как тополиный пух оседает на лобовом стекле, а небо над хрущёвками становится всё темнее. Гроза на горизонте подбиралась ближе – вдалеке мигнула молния, но грома ещё не было слышно. Она любила грозу в детстве. В детдоме во время грозы вырубалось электричество, и воспитатели зажигали свечи, а дети сидели в общей комнате и рассказывали страшные истории. Ей не было страшно тогда. Страшно стало позже.

Телефон снова ожил. На этот раз – сообщение. От Леры: «Я заказала пиццу. Если не приедешь через час, скормлю её соседскому коту.» И следом – фотография толстого рыжего кота, развалившегося на подоконнике. Кот смотрел в камеру с выражением глубочайшего презрения – так, как смотрят на людей, которые имеют наглость существовать в его вселенной. Амалия посмотрела на экран, и впервые за этот вечер что-то в груди отпустило – не полностью, но достаточно, чтобы она смогла вдохнуть полной грудью. Лера знала, что делает. Она всегда знала. Этот кот, этот дурацкий сериал, эта пицца – всё это были якоря, за которые Амалия могла зацепиться, когда реальность начинала расплываться по швам.

Она завела мотор, вырулила из двора и влилась в поток. До Леры было минут сорок по пробкам – она жила в Измайлово, в старой девятиэтажке, где лифт не работал через раз, а на лестничной клетке всегда пахло кошками и чьим-то борщом. Но у неё был диван, чай с мятой и кот, который лез на колени, не спрашивая разрешения. И ещё у неё была сама Лера – с её резким голосом, твёрдым характером и способностью говорить «ты справишься» так, что ты почти верил.

Амалия ехала по вечернему городу, и в голове у неё крутилась только одна мысль: она не вернулась к нему. Впервые за долгое время – не вернулась. И это было так же страшно, как стоять на краю платформы, только наоборот. Страшно – но в другую сторону. В сторону жизни. В сторону неизвестности, где не было его крика, его кулаков, его запаха, его правил. Где нужно было заново учиться дышать, есть, спать, смеяться. Где нужно было заново учиться быть.

Она не знала, получится ли. Но она хотя бы попробует. Ради Леры. Ради себя. Ради того, чтобы однажды снова купить заколку – просто так, потому что красивая. И не бояться, что она сломается.

Глава 3. Чистые пруды

Лера жила на восьмом этаже. Лифт не работал – на дверях висело объявление «ремонт до 20 июля», и дата была обведена красным маркером три раза, будто от этого лифт мог заработать быстрее. Амалия поднималась пешком, держась за перила и считая ступеньки. После пятого этажа ноги загудели, но она не останавливалась. Физическая усталость помогала заглушить то, что творилось в голове, – этот бесконечный внутренний монолог, который прокручивал вчерашнюю платформу, сегодняшние сообщения, завтрашний страх.

Подъезд был старый, с облупившейся краской на стенах и запахом кошек. Где-то на шестом этаже играла музыка – кто-то слушал джаз, и звуки саксофона плыли по лестничной клетке, приглушённые, тягучие. Амалия на секунду остановилась, прислушалась. Она когда-то любила джаз. В детдоме у них была старенькая радиолка, и по вечерам воспитательница включала «Маяк», где иногда крутили старые записи. Амалия садилась на подоконник и представляла, что она не в казённой спальне на десять коек, а где-то в Нью-Йорке, в прокуренном клубе, и перед ней на сцене играет оркестр. Глупые детские мечты. Но тогда они её грели.

Дверь открылась до того, как она успела позвонить. Лера стояла на пороге – невысокая, коротко стриженная брюнетка с острым подбородком и вечно подведёнными глазами. На ней была растянутая футболка с логотипом какой-то рок-группы и домашние шорты. В руке – деревянная лопатка для готовки. Видимо, отвлеклась от плиты.

– Ну и видок у тебя, подруга, – сказала она вместо приветствия, окинув Амалию быстрым, цепким взглядом, который за долю секунды зафиксировал всё: и красные глаза, и мокрую толстовку, и дрожащие руки. – Проходи. Кота не спугни, он на тебя обиделся, что ты в прошлый раз ушла, не попрощавшись.

Амалия шагнула в прихожую, стащила кеды, не развязывая шнурков, и сразу прошла на кухню. Там пахло пиццей – настоящей, не из доставки, а домашней, с толстым бортиком и расплавленным сыром. На подоконнике сидел рыжий кот Батон и смотрел на неё с выражением глубочайшего презрения – так, как смотрят на человека, который имеет наглость существовать в твоей вселенной и при этом не принёс ничего вкусного. Амалия молча села на табурет, положила руки на стол и опустила на них голову.

Лера выключила духовку, бросила лопатку в раковину и села напротив. Не обнимала, не лезла с расспросами – знала, что бесполезно. Просто налила чай, придвинула чашку к Амалии и стала ждать. Чай был с мятой – Лера всегда добавляла мяту, говорила, что это успокаивает. Амалия не чувствовала вкуса, но сам ритуал – горячая чашка в ладонях, пар, поднимающийся к лицу, – немного возвращал её в реальность.

– Он написал, – сказала Амалия, не поднимая головы. Голос звучал глухо, будто из-под одеяла. – Сказал, что я пожалею.

– Он всегда так говорит. Это шестая стадия его сценария – запугивание. Ты знаешь.

– Знаю. Но я всё равно боюсь.

Лера помолчала, помешивая чай в своей чашке. Кот Батон спрыгнул с подоконника, подошёл к Амалии и начал тереться о её ногу, оставляя рыжую шерсть на джинсах. То ли простил, то ли просто хотел еды.

– Боишься – это нормально, – сказала Лера, пододвигая к Амалии тарелку с пиццей. – Страх – это вообще-то признак того, что ты ещё живая. Мёртвые не боятся.

Амалия подняла голову. Лицо у неё было опухшее, глаза красные, но сухие – слёзы кончились ещё в машине. Она взяла кусок пиццы, откусила. Сыр тянулся длинными нитями, обжигал нёбо. Она почти не чувствовала вкуса, но продолжала жевать – механически, потому что надо было есть, потому что Лера старалась, потому что тело требовало хоть какого-то топлива.

Кот, убедившись, что пицца ему не перепадёт, ушёл обратно на подоконник и стал смотреть на улицу. За окном окончательно стемнело. Где-то вдалеке всё ещё мигали зарницы, но гроза обходила город стороной, не проливая ни капли дождя. Духота никуда не делась –

наоборот, стала гуще, тяжелее. Лера включила старый вентилятор, и тот загудел, разгоняя горячий воздух по кухне.

– Я хочу к нему вернуться, – тихо сказала Амалия, уставившись в чашку с недопитым чаем. – Не потому что люблю. Просто... так проще. Когда я там, мне не надо ничего решать. Я знаю, что будет. Знаю, что он ударит. Знаю, что потом извинится. Всё предсказуемо. А здесь – я не знаю. И это страшнее.

Лера откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди. Её лицо ничего не выражало – ни осуждения, ни жалости, только усталое понимание. Она слышала это уже много раз. И каждый раз отвечала одно и то же.

– Предсказуемость – это не безопасность. Это просто привычка. Ты привыкла к аду, потому что он знакомый. А нормальная жизнь для тебя – неизвестность. Но это не значит, что она опасна. Это значит, что ты просто ещё не пробовала. Помнишь, как мы в детдоме впервые попробовали мандарины? Ты тогда сказала, что они странные, и не хотела есть. А потом ничего – распробовала.

Амалия слабо улыбнулась. Мандарины. Их привезли на Новый год, целый ящик, от какого-то спонсора. Дети набросились на них, как на сокровище, а Амалия стояла в стороне и не понимала, что с ними делать. Фрукты были для неё редкостью – в её прежней жизни, до детдома, не было ни мандаринов, ни подарков, ни праздников. Лера тогда сама очистила для неё дольку и буквально засунула в рот. «Ешь, глупая. Это вкусно.»

Сейчас было примерно то же самое. Только вместо мандаринов – нормальная жизнь, которую она боялась попробовать.

Ночью Амалия почти не спала. Диван был старый, с продавленными пружинами и мягким пледом, пахнущим лавандой и кошачьей шерстью. Батон устроился в ногах, тяжёлый и тёплый, как меховая грелка. За окном наконец-то пошёл дождь – сначала робкий, редкий, потом всё увереннее, забарабанил по жестяному отливу, прибил тополиный пух к асфальту, промыл воздух от духоты и смога.

Амалия лежала на спине, смотрела в потолок и слушала дождь. Телефон она выключила ещё до полуночи – просто нажала на кнопку и дождалась, пока экран погаснет. Так было спокойнее. Он не мог ей позвонить. Не мог написать. Не мог найти. По крайней мере, до утра.

Она думала о платформе. О том моменте, когда смотрела на рельсы и считала секунды до прибытия поезда. Не о том, что могла бы сделать, – об этом она думать себе запретила. А о том, что не сделала. Осталась. Села в машину. Доехала до Леры. Съела пиццу. Вымыла лицо. Легла спать. Маленькие, крошечные победы, которые для кого-то другого были бы просто обычным вечером, а для неё – актом неповиновения. Она представила, как записывает их в воображаемый дневник: «Пункт первый: не шагнула. Пункт второй: ответила на звонок. Пункт третий: доехала.» Смешно, но это помогало. Превращало хаос в список.

Батон потянулся во сне, выпустил когти ей в лодыжку, но она даже не пошевелилась. Боль была привычной, почти успокаивающей. В отличие от той, другой, – та приходила внезапно и всегда заставляла врасплох, сколько бы раз она ни повторялась.

Где-то в три часа ночи она встала, прошла босиком на кухню и налила воды из-под крана. За окном сверкнула молния, уже далёкая, уходящая. Гроза ушла на восток. Город спал, мокрый и притихший. Амалия стояла у окна, прижимая стакан к губам, и впервые за долгое время чувствовала не страх, не боль, не пустоту, а странное, почти забытое ощущение – покой. Хрупкий, как яичная скорлупа, но всё же.

Она вернулась на диван, укрылась пледом и закрыла глаза. Утром ей нужно было решить, что делать дальше. Утром нужно было включить телефон и прочитать всё, что он написал за ночь. Утром нужно было вспомнить про адрес, который скинула Лера. Артур. Психолог. Чистые пруды. Но это всё – утром. А пока шёл дождь, и кот мурчал под боком, и можно было просто дышать.

Утро наступило душное и серое. Дождь кончился ещё на рассвете, оставив после себя мокрый асфальт, лужи во дворе и запах озона, который быстро растворился в бензиновой гари. Солнце снова набирало силу, обещая ещё один день изнуряющей жары.

Амалия проснулась в половине девятого от того, что Батон настойчиво топтал её лапами по груди и требовал завтрак. Она открыла глаза, уставилась в незнакомый потолок с трещиной в углу и не сразу вспомнила, где находится. А когда вспомнила – накатило всё разом: и вчерашняя платформа, и сообщение, и ночной дождь, и адрес на Чистых прудах.

Она села на диване, спустила ноги на пол. Тело ломило, будто она не спала, а разгружала вагоны. Шея затекла от неудобной подушки, на запястье проступил старый синяк – она даже не помнила, откуда он. Может, от того раза, когда он схватил её за руку слишком сильно. Может, от другого. Они все сливались в одну сплошную череду.

На кухне уже гремела посудой Лера. Запахло растворимым кофе и подгоревшим тостом. Амалия натянула вчерашние джинсы, поправила волосы – пучок окончательно развалился, и рыжие пряди торчали во все стороны, влажные от духоты. Она вышла на кухню и молча села за стол.

Лера поставила перед ней кружку с кофе и тарелку с тостом, намазанным маслом. Ничего не спрашивала, не давила – просто занималась своими делами, давая Амалии время прийти в себя. И только когда та допила кофе и отодвинула кружку, Лера обернулась от плиты и сказала будничным тоном, каким говорят о погоде или списке покупок:

– Я вчера написала ему. Артуру. Сказала, что ты можешь прийти сегодня. У него есть окно в одиннадцать. Если ты готова.

Амалия смотрела в пустую кружку. На доньшке осталась кофейная гуща, и ей вдруг захотелось разглядеть в ней какой-то знак – как гадают на кофейной гуще в старых фильмах. Но знака не было. Было только её отражение – мутное, искажённое, едва различимое.

– Сколько стоят его приёмы? Ты знаешь, у меня туго с финансами.

– Первая консультация бесплатно. Я договорилась. У него есть такая практика – разовая бесплатная сессия для тех, кого направляют. Дальше – по договорённости, но он не берёт с тех, у кого реально нет денег. Я ему объяснила ситуацию – не в деталях, просто что ты в кризисе и что финансы – одна из причин, по которой ты до сих пор не обратилась.

Амалия кивнула. В горле стоял ком. Она знала, что Лера не стала бы врать или приукрашивать, но где-то глубоко внутри всё равно скреблась мысль: она не заслуживает бесплатной помощи. Бесплатное – для тех, кому действительно плохо, у кого всё совсем развалилось. А у неё, если посмотреть со стороны, всё было нормально. Работа есть. Машина есть. Парень есть. Синяки под одеждой не видны.

– Я не знаю, смогу ли говорить, – прошептала она. – Я даже не знаю, с чего начать. Я прихожу – и молчу. Я всегда молчу. Он, наверное, подумает, что я просто время занимаю.

Лера пододвинула к ней салфетницу, хотя Амалия не плакала – просто на автомате.

– Он не подумает. Я его знаю три года, он ведёт группу для женщин в кризисных отношениях. Он с такими, как ты, работает постоянно. Молчание – это тоже ответ. Ты не обязана быть удобной клиенткой. Ты вообще никому ничего не обязана, Амаль. Запомни это.

Амалия подняла на неё взгляд. Глаза у Леры были тёмные, почти чёрные, и в них стояла такая спокойная, уверенная ярость – не на неё, а за неё, – что на секунду стало легче. Будто кто-то другой нёс её груз, пока она сама не могла.

– Ладно, – сказала она, глубоко вздохнув. – Одиннадцать? Я успею доехать, если пробок не будет.

Психологический центр «Диалог» находился в старом особняке через дорогу от Чистопрудного бульвара – пять минут пешком от дома, где Амалия позже будет жить, но она тогда ещё не знала об этом. Артур арендовал там кабинет на втором этаже уже шесть лет. Особняк был старый, с лепниной на фасаде и тяжёлой дубовой дверью, которая открывалась с усилием,

будто нехотя впуская посетителей. Внутри пахло деревом и мятой – где-то на первом этаже, в холле, стоял старый диван и фикус в кадке, и этот запах встречал каждого, кто переступал порог.

Амалия поднялась на второй этаж по широкой лестнице с затёртыми ступенями и замерла у двери. Сердце снова заколотилось – на этот раз не от паники, а от незнакомости. Она никогда не была у психолога. В детдоме была женщина из собеса, которая раз в год проверяла, не бьют ли детей, но это было другое. А здесь – настоящий кабинет, настоящий психолог, и она, Амалия, со своими синяками и своей неспособностью уйти от человека, который её уничтожает.

Из кабинета вышел мужчина – высокий, в светлой рубашке с закатанными до локтей рукавами. Тёмные волосы, аккуратная стрижка, небольшая щетина. Серые глаза смотрели спокойно и без оценки – просто смотрели, будто ждали, когда она заговорит первой.

– Амалия? – спросил он, и голос оказался ниже, чем она ожидала. – Проходите. Вы не опоздали – это я освободился пораньше. Чай будете? Мятный или чёрный?

Она замерла на пороге, сжимая в руке ремешок сумки так, что побелели костяшки. Он не ругал её. Не смотрел на часы. Не говорил «ну, заходи, раз пришла». Он предлагал чай. Это было так просто и так неожиданно, что она едва не разрыдалась прямо там, у фикуса.

– Просто воды, – сказала она и тут же пожалела о том, как это прозвучало. Сухо. Резко. Будто она отмахивается.

Но Артур кивнул – без тени удивления или недовольства. Он отошёл к столику в углу, где стоял кулер, наполнил стакан прохладной водой и протянул ей. Стакан был стеклянный, тяжёлый, с гладкими гранями – не пластиковый, как она ожидала.

– Садитесь, где удобно.

Она выбрала тканевое кресло у окна. Опустилась на край, поставила сумку у ног, обхватила стакан обеими руками. Вода была холодной, на стенках выступил конденсат, и она прижимала пальцы к влажному стеклу, будто это могло её заземлить.

Артур сел напротив – не напротив, чуть сбоку, так, чтобы между ними не было прямого зрительного контакта, если она сама того не захочет. Он не открывал блокнот, не задавал вопросов. Просто сидел, закинув ногу на ногу, и смотрел в окно, за которым ветер шевелил ветки тополя.

В кабинете было тихо. Только часы на стене тикали где-то за её спиной да слышалось, как внизу, на улице, проехал трамвай. Амалия поднесла стакан к губам, сделала глоток. Вода отдавала металлом – старая водопроводная труба, но холод освежал. Она поставила стакан на колено и наконец подняла глаза на Артура.

– Спасибо, – сказала она почти шёпотом. – За то, что приняли... вот так. Бесплатно. Я правда не знаю, о чём говорить. Я вообще не уверена, что мне сюда надо. Может, это ошибка.

Она замолчала, ожидая, что он сейчас начнёт её переубеждать, скажет что-то про первый шаг, про важность терапии, про то, что она молодец, что пришла. Но он молчал, и его молчание было странно уютным – как тогда, ночью, когда она стояла у окна на кухне Леры и слушала дождь.

– Меня зовут Амалия, – сказала она и тут же почувствовала, как глупо это прозвучало. Он и так знал. Но он кивнул – серьёзно, без улыбки, – и ответил:

– А меня Артур. Приятно познакомиться, Амалия.

И от того, как он это сказал – просто, будто они встретились в парке, а не в кабинете психолога, – у неё что-то щёлкнуло внутри. Она выдохнула – длинно, с присвистом, будто сдувала воздух из перекачанной шины. Плечи опустились. Пальцы перестали терзать край футболки.

– Меня бьёт парень, – сказала она тихо. – Уже два года. И я не могу уйти.

Она сделала паузу.

– Сегодня я хотела умереть. И сейчас хочу.

Слова повисли в воздухе, как пыль в солнечном луче – неподвижные, невесомые, но ощутимые. Амалия не опустила глаза. Она смотрела на Артура всё так же прямо, будто бросала ему вызов: «Ну давай, скажи что-нибудь. Скажи, что это неправильно. Что так нельзя. Что жизнь прекрасна». Она слышала это сто раз и не верила ни одному слову.

Но он не сказал ничего из этого.

Он чуть подался вперёд, опёрся локтями на колени и сложил пальцы домиком. Его лицо осталось спокойным, но взгляд изменился – стал внимательнее, глубже, будто он настраивал резкость. Он не испугался. Не засуетился. Не потянулся к телефону, чтобы вызвать кого-нибудь. Просто стал ближе – не физически, а как-то иначе.

– Расскажите мне об этом, – произнёс он негромко. – Не почему вы этого хотите. А как вы это пережили. Вчера, на платформе. Что вы сделали, чтобы остаться?

Амалия моргнула. Вопрос застал её врасплох. Она ожидала чего угодно – уговоров, сочувствия, может, даже молчаливого осуждения. Но он спросил не о том, почему она хотела умереть, а о том, как она выжила. И в этом вопросе было что-то такое, чего она не слышала ни от кого и никогда. Словно он уже знал, что ответ на «почему» ничего не изменит, а вот ответ на «как» – может.

Амалия опустила взгляд на свои руки. Пальцы всё ещё сжимали стакан – теперь уже пустой, с мокрым кружком на дне. Она медленно поставила его на журнальный столик, стараясь не греметь. Тишина в кабинете была такой плотной, что каждый звук казался оглушительным.

– Я не знаю, – сказала она честно. – Просто... не шагнула. Стояла и смотрела на рельсы. Думала: ещё секунда – и всё. Поезд придёт, и ничего не будет. Ни его, ни боли, ни этой духоты. Ничего. Но потом зазвонил телефон. Лера. Она всегда звонит в самый неподходящий момент. Я ответила, чтобы она отстала. А она не отстала. Сказала: «Встань и приедь ко мне». И я встала. Не потому что хотела жить. Просто... она просила. И я не могла её подвести. Она единственная, кто у меня есть.

Артур слушал, не перебивая. Когда она замолчала, он не стал заполнять паузу – просто дал ей повисеть, как дают отстояться мутной воде, чтобы взвесь осела на дно.

– Вы сделали выбор, – сказал он наконец. – Пусть даже ради другого человека. Но вы его сделали. И это важно. Не героический поступок, не жажда жизни, а просто крошечное «да» в ответ на чужой голос. С этого часто начинается.

Амалия подняла на него глаза. В них стояли слёзы – не горькие, не отчаянные, а какие-то удивлённые. Она не считала это выбором. Она считала это слабостью – что не смогла даже уйти красиво, что её остановил дурацкий телефонный звонок. А он говорил о выборе. И что-то в этом слове – «выбор» – звучало совсем не так, как в её голове. Не как приговор. А как дверь, которую она сама, пусть и случайно, приоткрыла.

– Я не знаю, что мне делать, – сказала она устало. – Если я вернусь – всё продолжится. Может, станет хуже, потому что я вчера не ночевала дома. Он такого не прощает. А если не вернусь – мне некуда идти. То есть, Лера, конечно, приютит на пару дней, но я не могу сидеть у неё на шее вечно. У неё своя жизнь, ипотека, работа. И потом – он знает, где она живёт. Он придёт.

Артур взял со столика бутылку воды, налил себе в стакан. Сделал глоток.

– У меня нет готового решения. Я не могу сказать вам: «Делайте так, и всё наладится». Но я могу быть здесь. Каждую неделю. В одно и то же время. И мы можем вместе думать, что делать дальше. Шаг за шагом. Вы не обязаны решать всё сегодня. Сегодня вы уже сделали главное: пришли сюда и сказали правду. Этого достаточно.

– Много кто справился? Как долго мне нужно к вам ходить?

Артур откинулся на спинку кресла. В его серых глазах мелькнуло что-то похожее на печаль – но не жалость, а скорее профессиональное сожаление.

– Справились многие. Не все – будет честно сказать так. Некоторые возвращаются. Некоторые уходят, но потом находят другого партнёра с тем же сценарием. А некоторые – справляются. Перестают быть жертвой не на словах, а внутри. Перестают ждать удара. Начинают спать по ночам. Начинают злиться – это вообще хороший признак. Злость часто приходит раньше, чем любовь к себе. Что касается сроков – я не могу вам их назвать. Кто-то приходит на три месяца и уходит, потому что находит силы. Кто-то ходит год. Кто-то – дольше. Мы не ставим цель «вылечить вас за десять сеансов». Мы ставим цель – чтобы вы начали слышать себя. Не меня, не Леру, не его. А себя. И когда вы начнёте слышать, скорость станет неважна.

– А вы не бросите меня? Если я сорвусь? Если я пропущу сеанс или вернусь к нему? Вы не скажете: «Всё, я с вами больше не работаю, вы безнадежны»?

Артур посмотрел на неё долгим взглядом. В его глазах не было ни обещаний, ни жалости – только спокойная, уверенная ясность.

– Я не брошу. Даже если вы сорвётесь. Даже если вернётесь к нему. Вы всегда можете прийти снова. Мой кабинет – не школа. Здесь не ставят двоек и не исключают за неуспеваемость.

Амалия почувствовала, как что-то внутри неё – то самое, что было скручено в тугой узел где-то под рёбрами, – чуть ослабило хватку. Она не поверила ему до конца. Не поверила, что может быть «достаточно». Но где-то глубоко, под слоями усталости и самобичевания, затеплилась крошечная, робкая мысль: «Может, не сегодня. Может, правда не сегодня».

– А почему вы вообще этим занимаетесь? Это же тяжело. Вы же могли работать с кем-то... попроще. С бизнесменами, у которых выгорание. Или с подростками. У них хотя бы есть будущее.

Артур чуть прищурился, и в уголках его губ мелькнула тень улыбки – не весёлой, а скорее задумчивой.

– У вас тоже есть будущее, Амалия. То, что вы его пока не видите, не значит, что его нет. А занимаюсь я этим, потому что когда-то не смог помочь человеку, который был мне дорог. И теперь помогаю тем, до кого могу дотянуться. Это не героизм. Это просто... моя история.

Она не стала спрашивать, кто был тот человек. Мать? Жена? Сестра? Это было бы слишком личным, а они пока не перешли ту грань, за которой можно задавать такие вопросы. Но что-то в его словах – «не смог помочь человеку, который был мне дорог» – отозвалось в ней глухо и больно, как отдаётся старая травма на перемену погоды.

– Спасибо, что не врёт.

Она поднялась с кресла. Ноги держали увереннее, чем утром. Сумка привычно легла на плечо, стакан остался на журнальном столике – пустой, с отпечатками её пальцев. Артур тоже встал, проводил её до двери, но не открывал её – ждал, пока она сделает это сама.

– Я вышлю вам расписание на следующую неделю. Если что-то изменится или вы не сможете прийти – просто напишите. Я не буду спрашивать причину.

Амалия взялась за дверную ручку – латунную, старую, отполированную чужими ладонями до блеска. На секунду замерла, глядя на свои побелевшие костяшки, и вдруг сказала то, чего не планировала:

– Я вчера взяла его сигареты. Хотела закурить. Впервые за два года. Но зажигалки не нашлось. И я подумала: может, это знак? Что не надо. Глупо, да?

Артур сунул руки в карманы брюк и посмотрел на неё тем же спокойным, внимательным взглядом, который за эти сорок минут стал почти знакомым.

– Не глупо. Иногда отсутствие зажигалки – это и правда знак. А иногда – просто отсутствие зажигалки. Решать вам.

Она почти улыбнулась – краешком губ, неуверенно, как человек, который забыл, как это делается. И открыла дверь.

В коридоре всё так же стоял фикус, всё так же горел тусклый свет под высоким потолком, всё так же пахло старым деревом. Но что-то изменилось. Может, угол падения солнечного света. Может, она сама.

В коридоре её провожала взглядом Лариса Ивановна – администратор центра, женщина лет шестидесяти с идеально уложенной седой стрижкой и в очках на цепочке. Она сидела за стойкой, перебирала какие-то бумаги, но, увидев Амалию, подняла голову и посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом – тем самым, каким провожала каждого клиента, выходящего из кабинета Артура.

Когда Амалия спустилась по лестнице и тяжёлая дубовая дверь закрылась за ней, Лариса Ивановна сняла очки, протёрла их краем блузки – привычка, которая всегда выдавала её волнение, – и повернулась к Артуру, который вышел из кабинета, чтобы взять свежую воду для кулера.

– Вы с такими ещё не работали, – произнесла она негромко. – Видно, что случай тяжелее предыдущих. Я заметила синяки на шее и груди. Бедная девочка. Ты уж постарайся, Артур Дмитрич. Она хорошая. Я чувствую.

Артур поставил пустую бутылку на пол, взял новую и на секунду задержался у стойки.

– Сделаю, что смогу.

Он пошёл в кабинет, но мысли его всё ещё были там, в кресле у окна, где остался пустой стакан с отпечатками чужих пальцев. А жёлтый «Форд» уже выезжал из переулка, увозя Амалию обратно – к Лере, к коту Батону, к дивану, который пах лавандой. Но теперь у неё было что-то ещё. Крошечное, едва различимое, но уже живое. Надежда.

Глава 4. Четыре трещины на потолке

Она вернулась к нему в тот же вечер.

Весь день после сеанса она каталась по городу, прожигая бензин. Парковалась в незнакомых дворах, смотрела на чужие окна и думала о листке с планом, который лежал в сумке. Безопасность. Документы. Деньги. Информация. Четыре пункта. Четыре трещины на потолке – она ещё не знала, что они станут её навязчивым счётом.

Она вспоминала кабинет Артура – запах мяты, тиканье часов, его спокойный голос. Вспоминала, как он сказал: «Вы сделали выбор». В тот момент это звучало почти убедительно. Но сейчас, когда солнце клонилось к закату, а телефон разрывался от его сообщений, выбор казался иллюзией. Какой выбор? Она либо возвращается, либо... что? Ночевать на улице? Скидаться по друзьям, пока они не устанут от неё? У неё не было родителей, у которых можно переждать бурю. Не было загородного дома, куда можно сбежать на выходные. Не было денег на съёмную квартиру. Была только Лера – и Лера не могла быть её спасательным кругом вечно.

К девяти вечера она припарковалась в районе Перово. Двор был тихий, с детской площадкой и старыми качелями, которые скрипели на ветру. В окнах пятиэтажек зажигался свет – где-то семьи садились ужинать, где-то включали телевизоры, где-то спорили о ерунде. Обычная жизнь. Чужая. Амалия заглушила мотор и достала телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.